

Чем не Третья мировая?

Почему эскалация масштабных региональных конфликтов и рекордные расходы на вооружение еще не означают начало мировой войны

Рост напряженности, насилия, неопределенности в мире в последние годы игнорировать становится все труднее. Количество войн растет, денег на вооружение тратится все больше, а риторика крупных государств становится все более решительной.

Очередная эскалация на Ближнем Востоке вновь открыла дебаты о начале Третьей мировой войны. Последствия ударов Израиля и США по Ирану в той или иной степени ощущаются далеко за пределами региона, по крайней мере теми, кто следит за ценами на нефть. Интересы многочисленных великих держав поставлены на карту, третьи стороны обдумывают свои шаги и делают политические заявления. Диапазон мнений широк: от того, что никакой Третьей мировой не может быть, потому что существует ядерное оружие, до того, что она уже началась. Что же происходит на самом деле?

Историки, когда говорят о мировых войнах, имеют в виду два уникальных события прошлого. Их масштаб, вовлеченность широкого круга государств, уровень насилия и характер последствий образуют совершенно отдельную лигу. Чтобы понять, чем эти войны отличались от любых других, достаточно одного взгляда на диаграмму человеческих потерь, оборонных расходов или разрушений в различных вооруженных конфликтах XX века.

Однако историки тоже бывают разные. Один из них, более известный в своей политической ипостаси, Уинстон Черчилль как-то описал Семилетнюю войну как мировую. Этот длительный конфликт XVIII века втянул большинство тогдашних крупных государств в прямые боевые действия; охватывал многочисленные театры в Европе, Северной Америке, Атлантике и Индийском океане; а также имел серьезные геополитические последствия. Чем не мировая война?

Тем, что это не была тотальная война индустриализованных

государств; масштаб столкновений был довольно ограниченным, как и количество армий; а последствия хоть и были серьезными, но не системными – таким может быть ответ более консервативных историков, чем британский премьер.

*Прямое и масштабное
вооруженное
столкновение великих
держав является
обязательным
критерием*

«Мировая война» – понятие и публицистическое, и академическое. Для усиления эффекта, привлечения внимания или проведения условных аналогий с его помощью можно описать больше событий, чем события Первой и Второй мировых войн. Например, мировыми иногда называют Тридцатилетнюю войну XVII века, войны Наполеона в XIX веке или даже холодную войну. В рамках такой логики отдельные элементы мировой войны можно увидеть и сейчас. Количество вооруженных конфликтов в мире растет в течение последних нескольких лет: 2024-й стал рекордным со времен Второй мировой войны: по отдельным подсчетам, в этом году было зафиксировано 61 вооруженный конфликт в 36 странах, что значительно больше средних показателей предыдущих трех десятилетий. Растут и мировые расходы на вооружение: сегодня они достигли 2,5 процента мировой экономики, самый высокий показатель с 2011 года и восходящий тренд с 2021 года. Это все же существенно меньше, чем во времена холодной войны, когда диапазон от 3 до 6 процентов был нормой. Анализируя эти цифры, можно увидеть, что безопасность мира в последние годы ухудшилась – но насколько критически?

Более академический подход, скорее, назовет мировой ту войну, в которой участвует большинство крупных держав; которая имеет глобальный охват и тотальный характер; ведет к огромным потерям и разрушениям; а также значительно меняет мир по завершении. Прямое и масштабное вооруженное столкновение крупных держав является обязательным критерием. И это – основной аргумент против того, что третья мировая уже началась. Каким бы высоким ни был уровень дестабилизации современного мира, как далеко бы ни зашла эскалация масштабных региональных конфликтов и как много

бы государства ни тратили денег на вооружение, этого недостаточно для мировой войны. Нужны масштабные боевые действия с участием крупных держав.

Такого в мире не было уже давно. Перерыв между Второй и Третьей мировыми войнами оказался намного длиннее, чем между Первой и Второй. Центральную роль в этом сыграло ядерное оружие, которое настолько повысило цену войны, что крупные государства начали избегать ее любыми способами. Этот предохранитель работает уже более 80 лет и, похоже, будет работать и дальше.

Мир, а точнее, отсутствие войны между крупными государствами остается одним из центральных элементов нынешнего международного порядка. Могут разрушаться или ослабляться международные институты и режимы, взрываться региональные войны – но вероятность войны между крупными государствами остается крайне низкой.

*Во все времена
государства воевали
чужими руками или
прибегали к
информационным,
торговым или
религиозным войнам, но
мировыми мы эти войны
не считаем*

Сторонники теории Третьей мировой иногда указывают на то, что даже при отсутствии полномасштабной войны между крупными государствами случаются другие проявления: гибридные войны, кибератаки или прокси-войны. Это действительно так, но все эти всплески конфликтности стоят на несколько уровней ниже мировой войны по своему разрушительному потенциалу и не носят тотального характера. Во все времена государства воевали чужими руками или прибегали к информационным, торговым или религиозным войнам, но мировыми мы эти войны не считаем – разве что в символическом смысле.

Удары по Ирану, в отличие от войны в Ираке 2003 года, происходят в мире, где вместо гегемонии США существует сложная конкуренция по крайней мере двух центров силы. Это добавляет нюансов, заставляет другие государства реагировать, прямо или косвенно – например, через поставки оружия или данных разведки – поддерживая ту или иную сторону. Но это не делает войну мировой. Поставки оружия, скажем, – это обычная практика, которую можно найти в большинстве региональных конфликтов, так же как и дипломатическую или финансовую поддержку союзников или партнеров. Даже если американские войска будут использовать технологии или опыт партнеров – например, украинские

беспилотники – это не будет означать втягивание Украины в войну. Как и поставки американского оружия Украине во время российско-украинской войны не означали участия США в войне.

Для мировой войны все еще не хватает ключевого – прямого столкновения крупных государств.

Кроме мировых, бывают еще системные войны. В этих конфликтах важен не столько масштаб, сколько изменение международного порядка, к которому они приводят. Уже упомянутые Тридцатилетняя война, Наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые были войнами системными: после их завершения правила игры международной политики переписывались, утверждались новые на мирных конференциях и конгрессах. Системная война не обязательно должна быть мировой.

Если в какой-то момент лидеры крупных государств решат, что пойти на риск войны и заплатить за это стоит – системный кризис превратится в мировую войну

Нынешняя дестабилизация и рост различного рода рисков в большей степени связаны с борьбой за будущее международного порядка. США и Китай почти попали в «ловушку Фукидида» – стратегическую логику, аналогичную той, которая привела к Пелопоннесской войне в V веке до н.э. Тогда сокращение силового разрыва между гегемоном и претендентом на гегемонию заставило спартанцев начать превентивную войну. Сегодня есть обоснованные опасения, что упадок американской гегемонии, подъем Китая и приближение к биполярному миру резко увеличат вероятность прямого вооруженного конфликта между сверхдержавами. Решительные, мягко говоря, шаги администрации США тоже можно считать превентивными действиями, направленными на стратегическое ослабление позиций Китая – пока преимущество все еще остается на стороне Вашингтона. Подобные моменты кризиса гегемонии и начала борьбы за нее всегда несут с собой опасность новых войн, гонок вооружений и эскалаций.

Мы – в центре такого кризиса. Он является системным в том смысле, что это не просто совокупность региональных конфликтов в разных частях мира, которых стало больше, но проявление масштабного

перераспределения влияния и силы в глобальном масштабе. Это перераспределение повлечет за собой изменения в международном порядке, потому что правила игры связаны с балансом сил. Если в какой-то момент лидеры крупных государств решат, что пойти на риск войны и заплатить за это стоит – системный кризис превратится в мировую войну. Но это, как говорили те же спартанцы, «если».

По этой ссылке статья откроется без VPN

Николай Капитоненко

Киев

Кандидат политических наук Николай Капитоненко (Nickolay Kapitonenko) – доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, директор Центра исследований международных отношений. Член Общественного совета при Комитете по международным отношениям Верховной рады Украины. Редактор журнала *UA: Ukraine Analytica*, автор более 70 научных статей. Основная сфера интересов – международные конфликты и внешняя политика Украины.

